

В очередной литературной страничке читатель познакомится с новыми стихами магнитовцев Александра Лаптева, Нины Ягодинцевой и деревенского коксового цеха № 2 Владимира Чурилина.

Александр ЛАПТЕВ
Н. П. Воронову

Не хочу
инвалидских пенсий.
Не хочу
сочувственных вздохов...

Песен, доктор,
раздольных песен!
Дружбы искренней, без
подвохов.

Я хочу,
чтобы капли пота
меж лопаток в зной
холодили,
чтобы мускулы от
работы,
как накрученные,
ходили.

Мне бы —
больше езды и света.
Полететь бы в зовущие
дали.

Пропишите мне, доктор,
все это!..
Но опять вы...
смотворное дали.

Сталь Магнитки.

Рис. П. Хныкина.

Созвездие дороги

Однажды приснятся
Огни уходящего поезда
И хмурых вокзалов
Вовеки негаснущий свет...
Нахлынет отчаянье,
Станет и горько, и боязно:
Дорога окончена,
И продолжения нет.
Но путь нескончаем,
А мне почему-то не верится,
И кажется, будто
Четыре стены — навсегда...
Так в землю степную
Вросло одинокое деревце,
А мимо него
Пролетают в рассвет поезда...
Засветится жизнь
В неизвестность манящими
звездами,

Но вспыхнет в окне,
Как друзей позабытых привет,
Созвездье дороги —
Огни уходящего поезда
И хмурых вокзалов
Вовеки негаснущий свет.

У чужого костра

Я у огня ладони грею,
Мне было плохо без огня.
Ты стань, пожалуйста, добрее,
Ты пожалей чут-чуть меня...
Я так замерзла и устала,
Что больше нету сил идти.
Я все слова порастеряла
В степи заснеженной... Прости...
Не прогоняй меня, не надо,
И сердце гордое не тронь!
Ведь так же, может, где-то рядом
Твою любовь согрел огонь.

Зал ожидания

Зал ожидания
В час ожидания...
Люди в молчании,
Стены в молчании.
В прошлом забыты
Все радости прежние
Ночь фонари
Освещают надеждами.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

Кто-то встречается,
Кто-то прощается —
Песня кончается,
Путь — не кончается!
Поезд подходит
К перрону застывшему...
Все позади,
Все забыто, все бывшее!
Только внезапно
Вопрос не ко времени:
«Мой ли был поезд?
Туда ли я?
С теми ли?»

На уроке физики

Какое мне дело до микромиров,
До разных теорий, и новых, и
старых,
Когда растекаются листья, как
кровь,
Из незаживающих ран тротуаров!
Сто формул выводит
стремительный мел.
Попробуйте, с помощью их
объясните,
Как могут изранить безжалостней
стрел
Прозрачных дождей серебристые
нити...
Готовятся схемы опять и опять;
Но осень трагична и необъяснима!
Одно только сердце все может
понять.
Наверно, поэтому сердце ранимо...

Полночный дождь

Дождь старательно заштриховывал
Все караули пустяковые,
И его шушание плавное
Оставляло самое главное:
Все суровое и тревожное,
Все надежды на невозможное...
Билось сердце, как обожженное,
Дождевой водой обнаженное.
Дождь настойчиво заштриховывал
Строки мелкие, пустяковые,
И от этого серой полночью
Все слова наполнились горечью.

На конкурсе «Гордость моя — Магнитка»

Владимир ЧУРИЛИН

В 1771 году был вырван
язык набатного колокола
Кремля, создавшего
народ на бунт.

ПАМЯТЬ

Поднималась трава,
Как седые пушистые волосы,
Пыль столбом поднималась,
А за пылью не видно ни зги,
В тусклом небе заря
Рисовала кровавые полосы
И все чудилось —
Глухо идут по земле сапоги.
Там, за пылью,
война!

Там курганы усеяны горечью,
Словно головы вдов,
Что окрасила пеплом беда...
Наклонились кусты,
Словно горем убитые родичи.
И тоскует,
как плач,
В неширокой речушке вода.
А еще,
в стороне
Подпирают зарю обелиски,
И гонимая ветром,
Срывается с места трава,
И летит через поле кусками,
Как призраки близких,
Как печальная память,
Которая в людях жива.
И не только в родных,
Эта память беснуется в каждом.

В каждом,
каждом из нас
Навсегда поселилась война.
Пусть не знал ты ее,
Но однажды ты вздрогнешь.
Однажды
Ты почувствуешь страх —
Это значит вломилась она,
А иначе-то как,
Если в памяти копится вечность?
Если даже в роддоме
Родился младенец хромой...
Ничего не узнав,
Он навеки войной искалечен.
Потому что
Отец его был искалечен войной.
Заметались врачи,
Затрещали,
захлопали двери...
Мать за стену схватилась,
И стала белее стены.
Как же можно забыть,
И в какую наследственность
верить?!

Если в эту не верить —
В кровавую память войны.

Это надо же выдумать,
Где такое приснится?
Была девка на выданье,
Влез жених на звонницу,
Ни намека, ни жестика,
Что звонит несерьезно...
Громыхла торжественно
Колокольная бронза:
— А-у-нас-день-ги-у-кра-ли,
А-мы-зна-ем-да--не-ска-жем,
Бам-м-м!...
Но едва пригорюнились
У окошек старушки,
С колоколенки юность
Сыпанула частушки:
— Не ругайте вы меня,
Бабушки горбатые,
Я не так себе звоню,
Я милашку сватаю.
Эх, тоска полевая,
С голубыми ромашками.
Понеслась плясовая —
Все село вверх тормашками.
Бабки истоиво крестятся,
Богу падают в ноженьки,
Но несут околесицу
Молодые безбожники.
Над садами, над вишнями,
Зацепившись за кроны,
Словно вызов всевышнему —
Колокольные звоны.

Стон...

Стон...

Стон...

К плахе тянули волоком,
Дергаясь круглым ртом,
Ныл языкастый колокол.
К бунту
люди

звал?..

Нынче должок vorачивай.
Взяли язык в металл,
Начали выворачивать.
Словно в живой кадкы
Лапой палач уперся,
Рвали крамольный язык,
Хрип о булыжник терся...
Подняли над головой
Для устрашения черни.
А за Москвой-рекой
Колокол звал к вечерне.

Запоздало взревел тепловоз
И взлетел на бугор круглолобый...
Целый лес голенастых берез
Мне навстречу встает из сугробов.
Заповедный, дремучий Урал,
Над хребтами луна в рукавицах,
Фонари, отражаясь от скал,
По сугробам бегут, как лисцы.
На окошке мороз-фантазер
запрягает упряжки олени,
Мимо круглых, застывших озер,
Неказистых башкирских селений
Все лететь,
и лететь,

и лететь.

Мимо гор и стремительных речек.
Мы спешили Урал осмотреть...
Я не знал,
что Урал бесконечен.

Когда из гулкой проходной
К путям трамвайным вылетаю,
То гаснут звезды надо мной,
Все небо кажется луной,
И та, хоть медленно,
но гает...
В какую смену все равно,
И время года хоть какое,
Успокоение одно.
А между тем,
я так давно
Ищу подобного покоя.
А он дается нам на миг,
Подобен падающим лавам,
Среди того,
к чему привык,
Он вдруг пронесится,
как крик...
И долго помнится суставам.

От правого до левого —
Полчаса езды.
Улица Галеева —
Тридцать три избы,
Маленьких, удаленных,
Сказочным сродни,
Крашенные ставенки,
Низкие плетни.
Улица потеряна,
Улица была,
Улица из дерева
В город не вошла,
На запрос
Натянуто вывело перо:
Нету упомянутой
В справочном бюро.
Детство не вмещается
В атоморазмах...
А улица качается
Трепетом рубаш.
Даже без названия,
Черт ее бери...
Ведрями названивая,
Пьяными ори,
Бабками елейными
В церковь протянись,
Улица Галеева —
Прожитая жизнь.